

* * *

Я дыханье смерти услышала.
Постояла рядом, повздыхала,
После сжала сердце мне до боли –
И решила отпустить на волю.
Да и я сама – не раз случилось –
В самоволку тайно отлучалась...

* * *

Ничего уже не надо,
Кроме собственной души,
Кроме сада-винограда,
Что всю изгородь прошил,
Кроме птицы – свиристелка
Не желает засыпать,
Кроме жизни – хоть безделка,
А приманчива опять...

* * *

Жизнь кончалась не однажды –
и продолжилась опять.
Вновь растерзан и расколот –
мир у бездны на краю.
Сохнут губы не от жажды –
невозможно рассказать,
Жжёт огонь какой,
и холод обжигает грудь мою.
Всё кончается на свете,
чтоб начаться в тот же миг.
Солнце движется по стенам.
В бликах солнца водоём.
Как песок, текут столетья.
Изменяется мой лик.
Но что было мной – нетленно:
я повсюду, я во всём!

* * *

Земля с утра уже слепит –
Наводит зеркальце речное
На очи светлые степи,
Сжигая тёмное, ночное.

И вновь бегу я босиком
По тёплой отмели залива,
Ведь там, за речкой, за мостком
Ты ждёшь меня нетерпеливо,
В синичьем гомоне, в луче
Лесного солнца сквозь рябины,
С ручною белкой на плече,
Со звонкой дудочкой из глины.

Трава свежа на берегу.
Мне до тебя –
одно мгновенье.
Не уходи!
Я добегу
Сквозь времена,
через забвеньё...

ВЕТЕР-НЯНЬКА

Речка рыбу глотает живьём.
Бор шумит над вчерашним жнивьём,
Как раскрытая небом страница.
Мы в бору говорящем живём,
Мы сосновую серку жуём,
Потому что все сосны – в живице.

Нет войны. Мы дождались отцов.
Ветер-нянька качает птенцов
В колыбелях из веток и глины.
Нынче много забот у скворцов.
Им на помощь, свиваясь кольцом,
Ветер-нянька пришёл из долины.

Он и сам ещё молод и прост.
От земли до небес его рост,
И повадка его диковата:
Так усердно качал, что из гнёзд
Вылетали, как пули, скворчата.

Мы несёмся несчастных спасать,
Но пернатых уже не догнать!
И следят наши детские очи,
Как птенцы и кричат, и хохочут,
Научившись летать...

ПЕРЕКАТНОЕ ЭХО ВРЕМЁН

1

Позову – и откликнется лето,
И кукушка заплачет в бору –
В отгоревших столетиях где-то,
На юру, на миру.

Закричу – и наклонятся травы,
Вспыхнут высверки конских копыт,
И на Запад покатаются лавы,
И Батыева рать полетит.

Стану глиной, себя позабуду,
Назовусь я грядущему люду
Тьмой других моих, новых имён,
Но со мной оно будет повсюду,
Перекатное эхо времён...

2

Было много войн великих,
Было много малых войн.
Диким стеблем повилики
Расстелился бабий вой.

Прорастают сквозь поэмы
И полынка, и пырей.
По степи ржавеют шлемы
Молодых богатырей.

Поднимаются холмами,
Раздвигая ветхий прах,
И восходят куполами
В деревянных лемехах.

Спят воители-батыры.
В речке плещется июль.
Зарастают в небе дыры –
Где от копий,
Где от пуль...

3

Средь лугов молодых и зелёных
Белый мрамор березняка,
Как дорические колонны
Из прекрасного далека.

Для чего эти образы мнятся?
Ведь теперь и другие нам снятся:
Будто мы дурнотравьем взошли,
Будто мы научились шататься
По обрывам непрочной земли,
Будто в громе и каменном гуле
Красной лавой течёт огнепад,
Будто в пропасти мы заглянули,
Будто корни над бездной висят...

КНИГА ПЕПЛА

Из телефонной книжки вычеркиваю имена –
До вечности не дозвониться, а многие уже там.
Как называется местность, и где же эта страна,
Куда уходят родные и машут оттуда нам?

Вычёркиваю, и чернила ложатся чёрной чертой –
По этим прямым дорогам никто уже не пойдёт.
Как тесно всем было в книжке – закончилось пустотой.
Чернильных дорог обочина травой не зарастёт,
И птицы не зачирикают, кузнечик не затрещит,
Как возле дорог кладбищенских,

где не стихает жизнь.

Моя телефонная книжка мертвее могильных плит.
Лети же в огонь!
И пеплом в ладони мои ложись...

* * *

А нам не ходилось – нам только леталось!
 Сбивала нас жизнь – одного за другим.
 Как много нас было – как мало осталось:
 Мы лес поредевший – и небо за ним...

ПРОХОДЯ МИМО ПРОШЛОГО...

Проходя мимо прошлого, я заглянула в окошко:
 Там раскрытый рояль, белым кафелем светится печь,
 Спит в соломенном кресле, свернувшись, пятнистая кошка,
 И курится дымок от недавно погашенных свеч,
 Шаль небрежно свисает с потёртого красного стула,
 Её кисти трепещут от жаркой волны камелька.
 Где-то рядом хозяйка – в дверях её платье мелькнуло,
 И платок обронила летящая птицей рука.
 Может, милый пришёл, а, быть может, шумливые дети,
 Может, ей телеграмма с трагической, чёрной каймой,
 И война за окном, и великое горе на свете,
 И никто не вернётся сюда, не вернётся домой...
 Да и дома уж нет – мне приснились кисейные шторы
 Из далёкого детства,

и этот таинственный дом.

Мне хотелось всегда заглянуть в золочёные створки,
 Только страх не пускал да легенды глухие о том,
 Будто в доме живёт приведение в свадебном платье,
 И рыдает ночами, и пробует балочный крюк,
 И не селятся в доме, боясь векового проклятья,
 Ни собаки, ни кошки, ни люди, ни цепкий паук.
 Я и вправду тогда никого не видала ни разу.
 Были заперты двери и окна закрыты всегда.
 Но я знала:

там жизнь, там страданье, не видное глазу,

И жалела я дом, и душою стремилась туда...

* * *

МЕЖ БЕРЕГАМИ

Прикрыты ставни. Пахнет морем,
 Сырою галькою, травой.
 Играет лунный свет на шторе,
 И делает её живой.

Сияет луч в мерцанье пыли...
 Быть может, с нами в этот час
 Те, кто ушёл, исчез, погас?
 Мы их не видим – мы слепые,
 Они же видят нас...

Всё близится к единому концу,
 И небо приближается к лицу,
 И шевелятся корни под ногами.
 Жила душа и раньше в двух мирах:
 Где облака – и где вселенский прах,
 Теперь она парит меж берегами.

И я не знаю: тут ли я? Жива?
 Быть может, я давным-давно трава,

И у меня в крови звенят цикады,
Поют сверчки под дымчатой луной,
Меня прохлада трогает струной,
Слетая с гор,
где блещут водопады.

А, может, бестелесная давно,
Я – воздух лета, и в твоё окно,
Незримая, влетаю на рассвете,
Твои ресницы нежно шевелю,
И снюсь тебе,
И говорю: «Люблю!» –
И растворяюсь в благодатном лете.

Не я, а кто-то, незнакомый мне,
Недугом скручен, и лежит на дне
Житейских бурь и суеты ничтожной,
О ближних плачет, гаснет от обид,
Стыдом измучен, ревностью горит...
Уж лучше быть травой придорожной!

Уж лучше быть июньским Ветерком –
Летать себе, не думать ни о ком,
Играть с песком и бабочками в поле,
А если и обнять кого-нибудь,
То лишь на миг.

И позабыть! И в путь! –
Туда, где нет ни берегов, ни боли...

ПИСЬМА ВЕТРА

Оставляет Ветер письма
На песке и на речной странице,
И на влажном камне валуна,
И на ткани,
что легко струится.

Молодая женщина идёт.
В серебро закованы запястья.
Она письма тайные прочтёт
О любви и запредельном счастье.

Вьётся Ветер. Что ему закон?
Для неё раскроет он объятия,
И целует, и вздувает он
Все оборки у неё на платье.

Спросит муж ревнивый у жены:
Отчего по-девичьи краснеет?
Отчего глаза её нежны?
Кто в полях прогуливался с нею?

И ответит честная жена:
«По полям гуляла я одна.
Вился Ветер, пыль за ним вилась,
Только Ветру я не поддавалась...»

* * *

Сквозь огонь у переправы,
Через тонкий, гиблый лёд,
Сквозь военные заставы
Всё равно любовь пройдёт,
Всё равно она прорвётся
Сквозь метели и дожди,
Всё равно она прижмётся
К задохнувшейся груди.
Никому не сладить с нею!
Даже на краю могил
Губы шепчут, каменяя:
«Я любила... Он любил...»

ПАРУС

*Белеет парус одинокий
В пучине моря голубой...
М.Лермонтов*

1

Цветёт в степи сухая былка,
Пыльцу рассеивая пылко,
Не устающая сиять
И днём, и ночью,
и сиянье
Вновь озаряет мирозданье –
Небес мерцающую гладь!

На поле битв людских и крови
Взошла сияющая нить.
Она со всей Вселенной вровень
И небо ей легко пронзить.

И там, среди звёзд, при вечном свете
Вдруг вспыхнуть заревым любим:

Багряным, жёлтым, голубым,
Раскинув зонтики соцветий.

И, может, семя разлетится,
Укоренится вновь и вновь
В других мирах – была б земляца,
Да солнце, да вокруг любовь.

О том Поэт-чудак мечтает,
Валяясь в утренней траве.
Пыльца серебряная тает
В незамутненной синеве.

А на лугу танцует Муза
И рвёт цветущее быльё.
Она Поэту не обуза,
Хоть мало толку от неё.

На воздух лепестки бросая,
Танцует с самого утра –
Его Офелия босая,
Его безумная сестра.

Танцует и поёт по-птичьи,
Себя всё утро веселя.
Без смысла песенки девичьи –
Уж лучше слушать вой шмеля.

Любовной страстью переполнен,
Летит он к былкам молодым –
От них давно исходят волны
Томленья, лёгкие как дым.

Поэт забыл тотчас о лени –
Он слушал музыку мгновений,
И не заметил он опять,
Как Муза бросила плясать.

Уткнувшись в детские колени,
Она сидела в отдаленье,
И слёзы горькие лила,
Хоть степь весенняя цвела,
И шмель гудел,

перекликаясь

С грозой,
что, с неба надвигаясь,
На землю утреннюю шла...

Гроза бурлила, тьмой одета.
Казалось: вот он, конец света,
Конец предсказанных времён,
Когда не требует Поэта
К заветной жертве Аполлон.

Поэт, как сорняковый высев,
Поэта выше даже пыль –
Она восходит к звёздной выси,
Она в степи сминает быль.

Она повсюду – пыль разрухи:
В тебе и в доме, там и тут.
Ликуют вновь паучьи духи
И сети пыльные плетут.

Пылятся книги. Вор – в законе.
Герой – развратник или псих.
Бесовский грохот какофоний
Один доступен для глухих.

Там виршеплёт из местной швали
Орёт, поёт за медный грош,
А наш Поэт сидит в кружале,
К перу приравнивая нож.

Он обрабатывает жадно
Баранью голову сейчас.
Да, в королевстве всё неладно,
Когда не слышен Божий глас...

Рыдает Муза – нервы сдали.
Но что Поэту все печали,
Когда мертва над миром твердь?
Он пуст без музыки небесной.
И голове бараньей, пресной
Твердит он:

«Петь или не петь? –

Вот в чём вопрос...»

Пуста бутылка.

Сквозь глаз бараний смотрит былка –
И скоро трав сплетётся сеть.

И снова: петь или не петь?
Молчать – иль песнь свою хрипеть,
Хоть горло стянуто петлёю,

И ворон вьётся над землёю,
И дышит в очи тебе смерть...

3

Молчит расстроенная лира.
Дряхлеет стих, утратив прыть.
Смятенье душ. Паденье мира.
Не знаем мы, куда нам плыть.

Но всё же вспыхивают строки
Десницей Бога над тобой:
«Белеет парус одинокий
В пучине моря голубой...»

Белеет парус, как спасенье,
И он не даст нам потонуть,
И в это самое мгновенье
Душе прокладывает путь.

И проведя сквозь ад и муки,
Всевышний даст Поэту речь,
Чтоб он бессмысленные звуки
Мог снова в музыку облечь.

4

Трава глядит весёлым глазом,
А Муза за спиной стоит,
И на лице её чумазом
Слезинка детская блесит.

Но всё же прибрала косицы,
Сплела венки себе из трав –
Из пряных стеблей медуницы,
Из маков, из речных купав.

Она ведь всюду – быть степная.
Хоть век иди – она без края,
Цветёт, ликует. Боже мой!
О чём ты плачешь, дорогая?
Ведь я с тобой...

* * *

В то лето я жила в степном ауле,
Где к мазанке моей огнёвки льнули,
Где вьётся корня векового нить,
И где душица жаркого июля
В моей каморке поселилась жить.

Она цвела, цвела, не увядая
И в холода,

забыть мне не давая
Холмы в узорах, как верблюжья кладь,
Гортанный голос кочевого края,
И степь в цвету, и лета благодать.

Вот так со мной везде, неистребимый,
Минувшей жизни терпкий аромат,
И моря шум у ног кремнистых Крыма,
И твой зелёный,
твой влюблённый взгляд...

* * *

За горою луг сырой,
В одуванчиках и мяте,
Занят утренней игрой
Поцелуев и объятий.
Пчёлы, бабочки, шмели
Влюблены во все соцветья,
Что стыдливо расцвели
На окраине пролетья...

ПАНТИКАПЕЯ

С холмов степных, сухой полынью вея,
С распущенной косою, налегке,
Сквозь марево идёт Пантикапея,
В одеждах белых, с голубем в руке.

Завеса зноя – призрачная стенка
Между столетьем нашим и былым.
К босым ногам подкатывает пенка
И входит в море женщиною дым.

Ах, как она неспешно заходила!
А голубя – на волю отпустила,
И возвратился он в сгоревший дом,
Веков завесу приподняв крылом.
А женщина плескалась и мостила
Дорожку солнца к берегу.

Потом...

Потом в руинах каменных мелькала,
Хитон сушила, косы отжимала
На голубую гальку, на песок...

Остался мне на память поясок –
 Плетённый стебель,
 красный с позолотой,
 Его нашла я в полдень под стеной,
 Когда входила в круглые ворота,
 Что засияли радугой тройной...

* * *

В том измерении, где я живу,
 Слушаю птиц, гляжу на траву,
 Готовлю пищу – самую простую,
 Не возмущаюсь. Не протестую.
 Не считаю лет. Гаснут ночь и день.
 И живу не я – это моя тень.
 Видны на песке следы ног моих,
 Но нет среди мёртвых меня и живых.
 Глядят сквозь меня и птица, и зверь.
 И я не знаю,
 где я теперь...

КУПИНА

Дичает сад, и я сама дичаю,
 Не отвечаю на влюблённый взгляд.
 Страдает мир. За это ждёт наград.
 А мне хватает тропки к иван-чаю
 И тени от узорчатых оград.
 Пусты и утомительны беседы –
 А раньше грели даже пустыки.
 И в каждом доме то печаль, то беды –
 А раньше они были далеки.
 Теперь милей мне болтовня сорочья,
 Однообразный треск степных цикад.
 Зачем слова? – Есть музыка короче,
 Ведь всё, что скажем, будет невпопад.
 Печаль и слёзы – это мимо, мимо,
 Когда на небе, в поволоке дыма,
 Сияют враз и солнце, и луна,
 Когда цветёт, опять неопалима,
 По склонам золотая купина...

МОЛИТВА

За безымянными горами,
 В далёкой, дикой стороне,
 В пещерке, в потаённом храме
 Горит лампадка на стене.
 Огонь колеблется, и тени,
 Как иноки, склоняют стан,
 И звуки чудных песнопений
 Волнуют чёрный океан.
 Всегда глухой и разъярённый,
 Теперь лежит он на камнях,
 Как зверь,
 молитвою смирённый.
 Горит свеча. Поёт монах.

КОНЬ

(восточная легенда)

1

Когда за ветром он летит,
 И с ветром может слиться,
 То в лунках от его копыт
 Гнездо свивает птица.
 Он манит, словно путь к звезде.
 Он дик, он не привык к узде.
 Его Аллах отметил.
 Коня такого нет нигде,
 Ни у кого на свете.
 Летела весть во все концы
 О скакуне богатом.
 И приходили в дом купцы
 С подарками и златом:
 «Отдай коня – и ты султан!»
 Но что казна далёких стран
 И ближнего селенья?
 Ведь нет цены у скакуна.
 Входила белая луна,
 Среди звёзд скользила тенью.
 Вставал народ – все, как один:
 «Умрём – коня не отдадим!»

2

В степи не видно ни огня,
Лишь у костра томится
Хозяин статного коня –
Бедняк в чалме из ситца.

Не спал, не ел – коня стерёг.
От сглаза, чтоб не брал урок,
Всё прятал под рогожей.
Но видно так уж выпал рок –
Коня украли всё же!

Пришёл, хозяина вина,
Народ в тоске-печали:
«Когда бы продал ты коня,
Его бы не украли!
Сейчас богатым был бы род,
На зависть всем соседям,
А так – опять ни с чем народ,
И ты, как прежде, беден...»

Народу отвечал юнец:
«Ещё не край и не конец!»

3

Немало полных белых лун
Увидели долины.
Вернулся конь, а с ним – табун.
Блестят тугие спины.

Колёблется, несётся дол
Гривастою волною:
Пропавший конь с собой привёл
Сокровище степное –
Стремительных, как блеск зарниц,
Отборных, лучших кобылиц!

Пришёл к счастливчику народ:
«Пусть ты богат отныне,
Но не продолжен славный род,
Но не продлился в сыне!»

Сказал властитель их сердец:
«Ещё не край и не конец!»

4

Покорна тихая жена,
Но не родит ему она
Наследника народа.
Уж как не подступался к ней –
Одних горластых дочерей
Приносит год за годом.

Под гром копыт, под гулкий гром
Украл дикарку он в свой дом,
Что лебедем кричала,
В атласной шапочке с пером,
В монистах из коралла.

Кусалась, плакала сперва,
Но полыхали ночки,
На зубках таяла халва,
И розовели щёчки.

Мир становился всё круглей.
Теперь дикарка на людей
Глядела горделиво –
Ведь круглым солнцем зрело в ней
Неведомое диво.

5

И вот на свет явился сын –
Чело его сияло.
Богатств и рода властелин,
Счастливых дней начало.

И вот он юноша, и вот
По долам конь его несёт,
А рядом – вьётся кречет.
Но тут – сурчиная нора.
Стара история, стара,
И защититься нечем.

С небес высоких пал огонь –
Споткнулся самый быстрый конь,
Прославленный в народе.
Прекрасен юноша и смел,
Но после скачки охромел
И никуда не годен.

К его отцу народ пришёл,
 Сказал ему в обиде:
 «Когда ты беден был и гол,
 Несчастий меньше видел!
 Зачем богатство накопил,
 Небесный гнев накликал?
 Ты сына юного сгубил,
 Коня такого уморил,
 И в скорби мы великой...»

Тогда ответил им отец:
 «Ещё не край и не конец...»

6

Всходила красная луна,
 Как ждущий крови идол.
 Однажды грянула война,
 Какой никто не видел.

И всех забрали сыновей
 В огонь и дым чужих полей,
 А вот хромца не взяли.
 Ушли на фронт и табуны.
 Всходил и гаснул круг луны,
 И множились печали.

Никто не возвратился в дом,
 Но отчий край прославил.
 Лишь одного, который хром,
 Аллах в живых оставил.

Послал бы лучше недород
 И высушил все реки.
 Пришёл и молча встал народ
 Перед отцом калеки.

И молвил сгорбленный мудрец:
 «Ещё не край и не конец...»

ПЕРСТЕНЬ СОЛОМОНА

Говорят, что всё пройдёт,
 Но ведь что-то остаётся,
 Для чего продолжен род,
 Для чего и жизнь плетётся.

Выбрось перстень, Соломон!
 Он пропитан горьким ядом.
 Ты из юности времён,
 Ты идёшь цветущим садом.
 Ты ещё не пообвык,
 И страшит тебя язык
 Ветра вечною –

он дует

Из небесной пустоты.
 И скорбишь, и плачешь ты.
 А вот старость – не горюет.

Что о вечном горевать?
 Надо жить да поживать...

